

УЧЕНОСТЬ, УЧЕНЫЕ И ОБРАЗОВАНИЕ:

элементарные правила и поведение*

Автор показывает, в чем проявляется дисфункция взаимосвязанной системы «академия наук — высшая школа», ведь соответствующие министерства и ведомства все чаще говорят о необходимости ее реформирования. Понятно, что от того, какой квалификации кадры будут подготовлены в системе высшей школы, насколько успешной будет деятельность организаций фундаментальной науки, насколько эффективны либо неэффективны будут осуществляемые преобразования — зависит будущее как отдельных секторов экономики, так и страны в целом. Важным элементом является и то, что повышение образовательного уровня работников есть непрерывный процесс в любой организации, залог ее конкурентоспособности и эффективности. Пороки и неэффективность, обнаруживаемые в системе образования и академии наук, постепенно вырождающаяся атмосфера творческого согласия и даже единогласия переносится во все области человеческой деятельности. Автор отвечает на вопросы непреходящей важности: в чем смысл учености и являются ли ученые ее носителями, в чем можно видеть реформирование академии наук и высшей школы, каково подлинное содержание такого реформирования и в чем могут состоять целесообразные организационные изменения, бесспорно улучшающие систему. В статье на основе практического опыта разбираются важнейшие правила поведения в трех экономических системах: науке, высшем образовании и промышленности.

Ученые и Академия наук: реформирование организации и индивидуальной научной культуры

Приведем цитату из работы почти столетней давности крупнейшего институционалиста Т. Веблена «Теория праздного класса» [1], выделив три наиболее важных аспекта рассматриваемой проблемы.

1. «Знаменательно, что ученые слои во всех общностях, имеющих примитивный уровень развития, являются яркими сторонниками этикета, статуса, соблюдения субординации, рангов и званий, ритуалов, ношения парадных одеяний по случаю ученых церемоний, а также атрибутов учености вообще, что не только свидетельствует о тесном родстве с ремеслом жреца, но и служит указанием на тот факт, что их деятельность относится к той категории демонстративной праздности, которая известна как воспитанность и образованность. Естественно, это лишний раз подтверждает, что высшее образование в стадии его зарождения является занятием праздного класса, точнее, подставного праздного класса, находящегося на службе у «пустосторонней аристократии».

2. «Несомненно, все эти характерные признаки учености — ритуалы, одежды, сакраментальное посвящение, передача особых званий и достоинств

посредством наложения рук и т. п. — непосредственно заимствованы из практики духовенства... По их происхождению, а также по психологической сущности эти обычаи и представления, на которых они основываются, относятся по меньшей мере к той стадии развития культуры, когда еще изгоняли злых духов и вызывали дождь. В обрядах благочестия, как и в системе высшего образования, они продолжают сохраняться как пережитки весьма примитивных форм анимизма, характерных для ранних этапов развития человеческой природы».

3. «Новые взгляды и направления в научной теории, в особенности те, которые в каком-либо вопросе затрагивают теорию общественных отношений, находили свое место в системе университетского образования с запозданием, встречая не сердечный прием, а вынужденную терпимость, а люди, пытавшиеся расширить таким образом сферу человеческих познаний, их современниками учеными обычно принимались плохо. Пока нововведения не начинали устаревать, почти потеряв свою полезность, до той поры высшие учебные заведения обычно не оказывали поддержки никакому серьезному продвижению вперед в методах познания или в самом предмете знания. Потом они становились уже банальными фактами».

* Статья печатается в порядке обсуждения.

Эти три позиции актуальны для современного мира и России в наибольшей степени. Они подчеркивают, что подлинная ученость состоит в труде по приращению знаний, которые можно использовать на благо всего общества, в обсуждении и генерировании новых идей, в подготовке морально чистых и нравственно здоровых, далеких от власти и распределения денежных фетишей и регалий специалистов и научных работников, подготовке на личном примере, принципиально и с бесстрашным изучением собственных ошибок. По каким причинам система высшего образования и науки подвержена тем порокам, о которых пишет Т. Веблен, и почему эти пороки трудно искоренить? Может сложиться впечатление, что они принимают вид фундаментальных атрибутов развития названных сфер человеческой деятельности. Однако тогда правомерен вопрос, как вообще развивается наука и система образования? Все-таки стоит предположить, что размах указанных пороков определяет качество системы и потенциал ее развития, а само проявление болезни есть выражение дисфункции базовых институтов, определяющих функционирование и свойства указанных сфер человеческой деятельности.

Ситуация, складывающаяся сейчас вокруг реформы Российской академии наук и высшей школы, весьма неоднозначна. Перемены как будто необходимы, но их масштаб, целесообразность, готовность к ним порождают больше вопросов, чем дают ответов, а также заставляют обоснованно сомневаться в их содержании. К глубочайшему сожалению, реформа РАН планируется опять по формальным критериям, примерно так же как и рыночные реформы в России, ставятся задачи сокращения, изменения профиля, объединения институтов, ликвидации каких-то функций и т. д. и т. п. Более того, обоснованная цель повысить заработную плату научно-исследовательским кадрам, с тем чтобы усилить заинтересованность в творческом труде, привлечь в этот сектор молодежь, даже при ее достижении не приведет к необходимой отдаче, поскольку молодежи помимо заработной платы нужна атмосфера, когда ее идеи, труд востребованы и должным образом оценены и реализованы. Приведу несколько примеров.

Во-первых, в академии и в системе высшего образования все научные результаты ранжируются исходя из критерия возраста. В частности, это относится к медалям РАН, которые существуют отдельно для молодых ученых и для ученых вообще. Подобное противопоставление вредит духу сотрудничества и воспитания, этического соперничества, разрушает культуру оценки научных результатов, научную этику и человеческую культуру вообще. Я имею в виду те культурные императивы, которые способствуют научному поиску и вознаграждению за него. Во-вторых, именно возрастное ограничение и бремя старых заслуг не позволяют вовремя выдвигать и поощрять энергичную молодежь.

Например, при выдвижении научных работ на конкурс Кондратьева один из академиков РАН сказал примерно следующее: «...Куда ты лезешь, ведь там академики участвуют». Цинизм этой фразы состоит в том, что молодым фактически блокируется возможность выставить свои работы на объективную конкурсную оценку, поскольку работы академиков почему-то априорно признаются лучшими еще до подачи, что абсурдно. Кроме того, почему академики признаются высшей кастой в науке, ведь они имеют такую же докторскую степень или профессорское звание, как и другие ученые, не являющиеся академиками, и вопрос относительно вклада академиков и тех докторов, кто просто не избран в академики, в науку по многим кандидатурам остается открытым. В частности, известно, что Д. И. Менделеев, являясь членом 50 академий мира, не состоял действительным членом Российской императорской академии наук. То же относится и к таким философам, как М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, М. К. Мармардашвили, А. А. Зиновьев. Видимо, совершенно не случайно Д. И. Менделеев опубликовал статью под названием «Какая же академия нужна России», причем подавляющая часть положений этой работы справедлива и для нынешней России, спустя более века. В качестве критерия избрания в академики Д. И. Менделеев считал *«чисто научные заслуги, а так как наука прежде всего есть дело не кабинетное и частное, а общественное и публичное, то непременным условием присутствия в академии должны служить труды, так сказать, публичные, то есть или опубликованные, или публичному суду подлежащие, то есть доступные всеобщей оценке и могущие служить на пользу всем и каждому»*. В «Белых одеждах» В. Д. Дудинцева и в «Открытой книге» В. А. Каверина убедительно показана атмосфера уничтожения наилучшего научного результата в угоду сервиллизму и приобретению внешних атрибутов, наград, должностей, званий, а также способы и механизмы присвоения чужих результатов и уничтожения питательной интеллектуальной среды и равноправной дискуссии. Академическая элита в значительной степени подвержена подобным порокам и сегодня, причем особо опасным для долгосрочного экономического развития страны является то, что метастазы такой опухоли распространяются в системе высшего образования, которая представляет собой для них исключительно благоприятную питательную среду.

Именно этот фактор является чуть ли не основным в том, что ученые уезжают работать за рубеж, поскольку там лучше условия труда, университетская атмосфера и лабораторная база для проведения фундаментальных исследований. Эти факторы нельзя создать одним повышением заработной платы. Необходимо изменить психологию организации научной работы и функционирования высшей школы, обеспечить должные институты оценки достигаемых результатов.

С одной стороны, Академия наук по причине абсолютно неэффективной системы выборов своих членов и членов-корреспондентов как будто дискредитировала себя за последние годы. Нужно отметить, что виной этому является не только система выборов, но и созданная атмосфера величия и «великих», то есть тех, кто избирается, а другие ученые имеют существенно более низкий статус, по крайней мере внутри страны. Атмосфера величия выражается даже в том, как подписываются статьи. Например, нобелевский лауреат по экономике Дуглас Норт подписывается как профессор Вашингтонского университета, а российский академик обязательно напишет, что он академик, в то время как Д. Норт является членом не одной академии мира. Это делается именно для того, чтобы подчеркнуть, что академик — это не профессор и не доктор наук, а — академик! То есть лицо, которое избрали люди, которые могли совершить и ошибку.

Это заставляет других докторов наук, профессоров, имеющих свои научные школы, создавать негосударственные академии. Так возникает великое множество академий качества и количества. Официальная Российская (государственная) академия наук, конечно, не может выражать успокоенность по поводу возникновения новых академий, потому что только она условно признается истинной академией, а ее члены — подлинными академиками. Однако эти академики забывают, что по существу они ничем не отличаются от академиков негосударственных академий, просто в первом случае все общество содержит названных академиков и саму академию, а во втором — сами академики своими взносами обеспечивают функционирование своих академий и даже собирают средства на проведение симпозиумов и научных исследований. Уровень Академии наук должен определяться отсутствием, а точнее, невозможностью возникновения фразы «Куда ты лезешь, ведь в конкурсе участвуют академики», обращенной к молодому доктору наук, имеющему научные монографии, по качеству и количеству превосходящие труды нескольких академиков по этой дисциплине. В принципе, именно общество должно определить, насколько эффективна академическая система, нуждается ли она в реформировании и как должна проходить процедура выборов в ней.

Академия наук служит обществу, как и фундаментальная наука. Абсолютизация собственных заслуг, кастовость в науке и самомнении, видимо, не позволяют в полном объеме осознать такой простой постулат. По этой причине широким гражданским и политическим слоям (организациям) требуется создавать (вырабатывать) критериальную основу развития академии и ее организаций в виде принципов, отвечающих современному состоянию и тенденциям, наблюдаемым в обществе и науке, определять тематику и масштаб исследований, процедуры деятельности подведомственных организаций. Когда академиками или членами-коррес-

пондентами становятся не вполне заслуженно, тогда эффект домино становится неотвратимым и начинает преобладать процедура торга.

На выборах в члены РАН в 2006 г. было объявлено 179 вакансий, в том числе 55 — академиков и 116 — членов-корреспондентов. Всего на эти места было подано 1452 заявки, из которых 262 человека — в академики и 1190 — в члены-корреспонденты. Средний конкурс, таким образом, составил восемь человек на место. Определенное число этих претендентов не имеет даже значимых для науки монографий и не является подготовленными соискателями ученой степени кандидата и доктора наук. Это ли не кризисная ситуация, это ли не «рак научной культуры» и триумф амбиций? Автору неоднократно, а в преддверии выборов особенно часто приходилось видеть, как известные экономисты, желающие стать членами-корреспондентами, заискивали на симпозиумах, конференциях, круглых столах перед членами-корреспондентами и академиками, а члены-корреспонденты, желая стать академиками, перед последними. Причем выстраивались такие умозаключения, концепции, ссылки к месту и ни к месту, не имеющие никакого научного обоснования, с одной целью — заручиться поддержкой тех субъектов, на которых сослался, которых поддержал. Кроме таких официальных демаршей, разумеется, происходят и личные встречи, устанавливаются неофициальные контакты, напоминающие базар, где торгуют мясом, овощами, фруктами. Причина этого порока коренится в организации института выборов и в крахе критерия оценки.

В члены-корреспонденты и академики формально человека выдвигает какой-либо коллектив — научный центр, организация, ученый совет организации либо уже действительные академики. Но на практике в подавляющем большинстве случаев инициатива выдвижения исходит от самого претендента. Вот почему, если претендент имеет «административный ресурс», то и выдвинуться ему значительно проще. Иными словами, система выборов в академики напоминает попрошайничество, когда сам человек как бы просит сделать его академиком и членом-корреспондентом и обхаживает тех, от кого это зависит. Сильная академия, представляющая собой корпорацию все-таки единомышленников, преданных науке, несмотря на определенные расхождения (единомыслие, конечно же, невозможно), должна сама искать достойных членов и предлагать им избрание, четко заявляя, что будет конкурс, соперничество результатов и достижений. Но этот конкурс программируется самой академией, и если она не отыщет достойные кандидатуры, выборы вообще не должны проводиться.

Организационно схему работы можно представить примерно так: каждая секция образует два экспертных комитета из своих членов, которые анализируют различные публикации, работают над их научной оценкой, учитывают и организационный

вклад в развитие самой Академии, но приоритет отдают все-таки сугубо научным работам и выдвигают свои кандидатуры, например, по числу мест, или с 25-процентным превышением числа мест, второй экспертный комитет этой же секции делает самостоятельно то же самое, так что конкурс в 2—2,5 человека на место будет обеспечен. Затем представитель секции выходит с предложением об избрании к каждому отобранному кандидату, очерчивая перспективу конкуренции. В случае согласия на избрание человек включается в выборную процедуру, а окончательное решение принимает полный состав академии, получив точное представление о научных достижениях соискателя. Полагаю, что такое поведение является в высшей степени достойным и профессиональным, детали могут быть уточнены, но главный принцип должен оставаться неизменным — в академию нужно приглашать на конкурсной основе, а не выстраивать процедуры попрошайничества и выклянчивания. Это пауперизирует академическую среду. Нужно еще учитывать, что академия не великой державы не может, к сожалению, оставаться великой академией. Этот аспект должен остудить заносчивость отдельных интеллектуальных снобов. Академики академии наук Занзибара (наименование выбрано условно) в конце концов никому не известны, да и их достижения весьма сомнительны. Надо уберечь Российскую академию наук от скатывания до такого уровня!

С другой стороны, желание образовать Федеральное агентство по фундаментальным исследованиям и фактически заменить им Академию наук, сведя ее статус до уровня общественной организации, связано не с тем, чтобы на практике повысить эффективность в сфере фундаментальной науки, хотя декларативно провозглашается именно такая идея, не говоря уже о науке прикладной, которая практически уничтожена в современной России, а с тем, чтобы провести приватизацию объектов, на сегодняшний день принадлежащих Академии наук России. Поскольку все имущество РАН будет передано в это агентство (в случае его организации), постольку и то, как поступить с этим имуществом, будет решаться чиновниками правительства, которые имеют заметную и необъяснимую тягу к приватизации всего и вся. Такая борьба с интеллектуальным высокомерием и торговлей академическими «привилегиями» напоминает снос жилого дома методом авиабомбы. Безусловно, это разрушит оставшиеся научные коллективы, научные центры, институты — и даже не в силу самого организационного нововведения, а в силу того, что не изменится культура и атмосфера в академических кругах и в высшей школе, где процветает сервильизм, коррупция в распределении званий, должностей (директоров, ректоров вузов, проректоров, деканов и даже заведующих кафедрами), ученых степеней, грантов, которая может быть охарактеризована как «крамовщина» — по имени одного из героев романа В. А. Каверина академика Кра-

мова. Вне всяких сомнений, имеются участки подлинной научной культуры, настоящих исследований, истинного отношения к молодежи, того, каким оно должно быть, но, к сожалению, все это носит очаговый, крайне локализованный, а потому несистемный и одновременно несистематический характер.

Вот на что необходимо направить все силы — на изменение правил функционирования подразделений фундаментальной науки и организаций высшей школы, изменить принцип присвоения званий, избрания на различные должности, ввести возрастную цензу участия в диссертационных советах (до 65 лет для профессоров вузов с исключением только для членов Академии наук). Необходима специальная политика вовлечения молодежи в научные исследования самой широкой области приложения, причем так, чтобы она участвовала — обретала успех и терпела неудачи — на равных с известными учеными. Только так может быть воссоздана необходимая атмосфера творческого поиска. Нужна конкуренция идей, принимающая форму обсуждения их содержания и полезности, а не тех, кто эту идею высказывает или вносит какое-либо предложение. Причем подобная конкуренция должна возникать вне зависимости от возраста и регалий. Молодежь имеет право принимать участие в тех же публичных акциях, конкурсах (которые должны проводиться для того, чтобы подвергать научные результаты публичной оценке), что и известные ученые, академики. Ранжир по возрасту должен быть исключен как самая неэффективная разновидность «дедовщины». Именно она затрудняет целенаправленное развитие науки и системы высшего образования России.

Необходимо отдельно отметить, что система грантов — это система выживания, а не развития фундаментальной и прикладной науки, а также научных подразделений высшей школы.

Во-первых, нужно отчетливо понимать, что без научных достижений высшая школа не сможет готовить кадры нужной и должной квалификации, поэтому близоручко разделять преподавательскую и научную работу. Что будет докладывать студентам доцент или профессор, который уже три года не проводил серьезные исследования, потерял широту научного взгляда, не имеет весомых публикаций в течение нескольких лет? Полагаю, что ему нечего докладывать, кроме как повторять учебник, который студент может прочитать и самостоятельно. Такой подход, к сожалению, распространенный повсеместно в России, никогда не приведет к необходимому проценту выпуска годных специалистов. Качество подготовки будет снижаться незаметно, постепенно и неуклонно, и в конце концов страна будет располагать трудовыми ресурсами совершенно иного качества, которые не будут пригодными для решения серьезных научно-технических задач, обеспечения ее обороноспособности и общей конкурентоспособности. Коррупция в вузах вне всяких сомнений резко увеличивает такую воз-

возможность, снижает качество подготовки, поскольку она трансформирует самое ценное, чем может располагать развитое общество — институт оценки, в том числе знаний, результата, человеческого поведения.

Во-вторых, распределение грантов осуществляется во многих случаях необъективно, при этом опять-таки страдают молодые исследователи, которые не имеют «имени в науке». Это совсем не значит, что они хуже академиков разбираются в каких-то вопросах и в том, что происходит в стране, науке, включая и финансирование этой сферы. К счастью, электронная культура и новая экономика с каждым днем сокращают это расхождение, которое было очень существенным в традиционном обществе (которое кстати располагало звездным академическим составом — А. Ф. Иоффе, Л. Д. Ландау, П. Л. Капица, Н. Г. Басов, А. М. Прохоров, Н. Н. Семенов, И. Е. Тамм и др.). Давайте вспомним, что говорил однажды Г. Форд: если хотя бы один доллар в рамках какой-либо инвестиции не будет доложен в общее дело, проект может рухнуть, и чем более средств не вложено, тем выше вероятность отрицательного результата. То же относится и к системе грантов, не говоря уже об абсолютно неэффективном принципе их выделения и распределения. Возможно и воровство идей, когда отказ какому-либо коллективу по какой-либо теме оборачивается тем, что финансирование выделяется другому коллективу спустя, скажем, год, по той же теме. Известны профессора, которые после таких выходов заявили, что больше никогда не будут связываться с грантами и оформлять множество документов для бюрократии, заведующей этим вопросом. Их позиция справедлива, и автор ее всецело разделяет.

Какой же выход может быть предложен? Полагаю, что фундаментальная наука должна быть объектом государственного заказа. Конечно, можно возразить, что правительственные чиновники не менее коррумпированы. Однако способ борьбы с коррупцией состоит даже не в ужесточении дисциплины, в том числе финансовой и уголовной, хотя этими рычагами пренебрегать нельзя, а главное — в изменении указанных правил функционирования науки и высшей школы, во введении выборности соответствующих должностей (необходима ротация); потребуется и изменение правил функционирования Министерства образования и науки и подходов к развитию Академии наук. Только осуществив подобные изменения, можно вводить соответствующий государственный заказ, сохранить, подчинив всецело Академии наук, распределение грантов, включая и высшую школу, а также поручить присвоение ученых званий и степеней одной организации — целесообразнее, если это будет не правительство, а Академия наук.

Одновременно необходимо установить такие критерии присвоения званий, чтобы решение не принималось голосованием, а при выполнении пунктов положения звание профессора и доцента при-

сваивалось без дополнительных комиссий и процедур. Такая реорганизация может потребовать переподчинения Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации Академии наук либо ее ликвидации. Необходимо в самый короткий срок обязать эту комиссию отказаться от списка журналов ВАК как нормы, порождающей коррупцию и заставляющей журналы осуществлять публикации за деньги автора, претендующего на ученую степень. Складывается ситуация, когда степень получает при такой системе тот, у кого больше денег, а не лучше научный результат.

Бороться с неоправданной штамповкой кандидатов и докторов наук, с заказными диссертациями, написанными кем-то за деньги, нужно методами, направленными на противодействие коррупции. Для этого в первую очередь нужны нормативные документы, включая и инструкции Министерства образования и науки, позволяющие наладить эффективный воспроизводственный процесс в высшей школе, а также в Академии наук.

Во-первых, поскольку пенсионный возраст в соответствии с законодательством наступает в 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, следует ограничить этим пределом пребывание на должности ректора, декана, проректора, директора института, сделав исключение для действительных членов РАН — до 70 и 65 лет соответственно.

Во-вторых, чтобы сократить количество диссертационных советов и снизить потенциал для коррупции в них, необходимо ввести ограничение на участие в них по научным достижениям и по возрасту.

В-третьих, при избрании ректоров, деканов и заведующих кафедрой принять положение о максимум двух сроках пребывания в этих должностях, ограничив срок тремя годами, а не пятью, как сегодня. Тем самым будет обеспечена ротация, которая успешно применялась в системе высшего образования царской России.

В-четвертых, необходимы облегченные условия получения звания доцента для кандидата наук и звания профессора для доктора наук при наличии серьезных научных публикаций и достижений, которые определяются монографиями, учебными пособиями; нужно отказаться от присвоения этих званий в зависимости от возраста и стажа работы, поскольку защита диссертации и получение ученой степени есть не что иное как претензия на соответствующую должность доцента, профессора и на получение звания.

В-пятых, следует повысить эффективность и качество экспертизы диссертаций. Возможно, для этих целей понадобится создать государственные диссертационные советы и министерству платить за экспертизу диссертаций, особенно докторских. Это исключит необходимость вузам принимать от соискателей деньги (что запрещено современным Положением о диссертационных советах) под видом благотворительных взносов и т. д., что представляет собой очевидное нарушение положения,

которое легко выявляется. Однако проблема состоит в том, что при повсеместной практике министерство даже не интересуется, кто и как выполняет его установки или нет. Подавляющее число диссертационных советов России, особенно в регионах, успешно нарушает эту запрещающую норму министерства. Логичным выглядит, когда присвоение государственной степени осуществляется государственным диссертационным советом, работа которого оплачивается министерством. Экспертиза диссертаций — одна из имманентных задач Академии наук, прямая область ее деятельности. Перечисленные позиции, будучи со временем применены системно, повысят качество работы системы образования и науки, будут действовать в направлении преодоления дисфункционального состояния.

Неэффективные и эффективные институты высшей школы России в историческом контексте

Если обратиться к историческому опыту России, можно привести удивительной актуальности пример разумного подхода в области организации функционирования высших учебных заведений. Для начала приведем несколько цитат, отражающих положение в системе образования в XIX веке. Нужно отметить, что состояние образования не вызвало удовлетворительного отклика в русской общественности. Министр народного просвещения в 1824—1828 гг. А. С. Шишков резко критиковал существующую систему и обосновывал ряд необходимых мероприятий для повышения ее эффективности. В основном они свелись к изданию нескольких важнейших императорских указов — правовых актов, определяющих новые правила функционирования университетов, гимназий и школ.

Образовательная доктрина определялась следующей позицией министра А. С. Шишкова: *«Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное число одного количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином»* [2].

Излишество же при управлении университетами пагубно сказывается на развитии университетского образования, резко сокращает возможность принимать эффективные решения. Причина кроется в потере целей развития, сокращении функций, в том числе и по причине финансовых трудностей, ухудшающейся возрастной структуры и пороков, присущих демократическому устройству (С. Моэм) — зависти и страха.

Эффективное образование не может воссоздаться бессовестностью и подлостью. Несмотря на

резкость и оценочный характер моего высказывания, оно точно отражает повестку дня, актуальную для нашей страны. Если заслуженный деятель науки России, доктор педагогических наук склоняет молодых аспирантов к сожигательству за защиту диссертации — то о более сильной деградации системы трудно просто подумать. Аргумент, что подобные явления отмечались во все времена, во всех обществах, не выдерживает критики, поскольку важен масштаб явления, а не его проявление. У меня нет фактического подтверждения, что подобный масштаб когда-либо наблюдался в России. При этом указанный субъект сохраняет свое реноме в научном и главное — педагогическом мире, прикрываясь правилом «не пойман — не вор».

Приведу еще один пример, когда только что избранный новый ректор одного российского университета, занявший пост благодаря давлению губернатора, лично приложил максимум усилий, чтобы молодой доктор наук, профессор этого университета, не получил звания профессора. Этот случай требует обстоятельного описания, поскольку является демонстрацией и подтверждением всех аналитических заключений, полученных этой статье. Во-первых, он подтверждает факт коррупции в органах управления учреждениями образования, а во-вторых, наглядно показывает, что Министерство образования и науки не умеет и не хочет защищать своих рядовых сотрудников, например, профессора, доктора наук, подавшего заявку на ученое звание в возрасте 31 года, являющегося сотрудником Российской академии наук и имеющего объем публикаций более 250 печатных листов.

При этом в средствах массовой информации сам министр образования и науки сетует на то, что чрезвычайно высок средний возраст профессоров и нет молодежи и молодой профессуры. То есть явление со всей очевидностью расходится с содержанием предпринимаемых действий. Для Министерства образования и науки как сугубо бюрократической структуры важнее, видимо, ректор, который на тот момент, кстати, сам не имел ученого звания профессора. Фактическая сторона вопроса свелась к следующей хронологии событий.

1. Согласно положению, утвержденному Правительством России 29 марта 2002 г. за № 194, ученое звание профессора по кафедре может быть присвоено докторам наук, замещающим по трудовому договору должности профессора, заведующего кафедрой, декана факультета, руководителя института или филиала, проректора, ректора высшего учебного заведения или учреждения повышения квалификации, если они имеют опубликованные учебно-методические и научные работы, читают курс лекций на высоком профессиональном уровне, а также на момент представления документов: успешно работают в указанных должностях в течение года, имеют стаж научно-педагогической работы не менее десяти лет, из них не менее пяти лет педагогической работы в вузе или

учреждениях повышения квалификации, являются авторами (соавторами) учебника (учебного пособия), монографии (главы в монографии) или не менее трех учебно-методических работ (научных работ), опубликованных за последние три года, подготовили в качестве научных руководителей или научных консультантов, как правило, не менее двух учеников, которым присуждены ученые степени. Это формулировка пункта 6 положения. Однако в нем же имеется пункт 10, который гласит, что ученое звание профессора по кафедре может быть присвоено крупным специалистам, получившим международное или всероссийское признание в конкретной отрасли знаний, подтвержденное необходимыми документами, имеющим стаж научно-педагогической работы не менее пяти лет, из них не менее трех — педагогической работы, и квалификацию, соответствующую требованиям пункта 6 положения.

2. В разбираемом фактическом примере объем научных трудов и квалификация соискателя полностью соответствовали пункту 10 положения о присвоения ученого звания профессора по кафедре, то есть он имел стаж научно-педагогической работы восемь лет и педагогической — четыре. Каким же образом Министерство образования и науки трактует понятие крупного специалиста, имеющего международное или всероссийское признание в конкретной отрасли знания? Для этого отечественная бюрократия выпустила инструкцию № 2235 по Министерству образования. Согласно этому документу, доказательством признания являются отзывы трех ведущих ученых и научно-исследовательских организаций, университетов.

У данного соискателя имелось 19 таких отзывов, десять из которых были рассмотрены и приняты учеными советами крупных университетов России, Белоруссии, Украины, два отзыва были получены от членов-корреспондентов РАН и третий — от академика РАН, которые ходатайствовали о присвоении ученого звания. Научно-педагогический стаж соответствовал пункту 10 положения, все позиции пункта 6 об учебном пособии, монографиях, подготовленных учениках — превосходили установленную норму. Например, к моменту подачи документов у соискателя имелась троекратная утвержденная норма кандидата наук. Ученый совет регионального вуза, который подавал документы, проголосовал за ходатайство о присвоении ученого звания: 39 против двух из 41 члена ученого совета, присутствовавшего на заседании. Однако за день до голосования проректор по науке данного университета, явно по распоряжению председателя ученого совета — ректора — принял попытку снять кандидатуру этого молодого исследователя, педагога, занимавшего уже три года должность профессора этого университета. Соискатель возразил, что при осуществлении подобных действий вынужден будет покинуть стены этого университета.

Тогда голосование состоялось, тем более что вузу предстояло пройти аттестацию и число докторов наук представляло собой лимитирующую цифру. Какие же аргументы выставляло руководство университета, пытаясь снять кандидатуру с процедуры голосования? Аргумент был один — никогда университет не подавал кандидатуру по пункту 10, то есть не имел крупных специалистов, в чем собственно и расписался своими действиями. Для обоснования этой позиции проректор звонил в соответствующий отдел министерства для дальнейшей дезориентации соискателя.

Однако, когда не удалось предпринять никаких действий для воспрепятствования голосованию, были предприняты действия с целью недопущения присвоения звания на уровне чиновников министерства. И здесь сработала схема, которую мы рассмотрели выше, система nepотических связей, формирующихся из-за профессионального взаимодействия чиновников министерства и руководства университета. В результате звонков высшего должностного лица чиновникам комиссия по присвоению принимает отрицательное решение, не имея никаких юридических оснований, поскольку все положения пункта 10 и инструкции самого министерства выполнены в полном объеме. Причем соискателю приходит ответ, как будто бы он подавал документы по пункту 6, а не по пункту 10.

Тогда соискатель подает апелляцию на имя заместителя министра образования, который налагает резолюцию разобраться в этом вопросе. Однако, поскольку звонки руководства университета в министерство продолжают делать свое дело, решение остается без изменения, несмотря на ходатайства членов-корреспондентов и академика РАН, научных и образовательных организаций, несмотря на медаль РАН и другие общественные награды, которые имеет соискатель.

Таким образом, заявляя о том, что в России не хватает молодых профессоров, система образования из-за коррупции не только способствует тому, что места ректоров занимают часто просто недостойные как в профессиональном плане, так и с позиции оценки личных качеств люди, но и устанавливает нормативы, а также практикует модели поведения, которые абсолютно не способствуют появлению этих молодых профессоров. Причем это касается соискателей, своей деятельностью, по общему признанию, заслуживающих этого звания. В итоге институционализируется подлость и безнравственность в экономике и в образовании.

Возникает два важнейших обстоятельства общесистемного свойства, касающихся проектирования базисных институтов и их эффективности.

Во-первых, привязывая присвоение ученого звания к стажу для докторов наук, министерство просто под видом борьбы за качество делает невозможным омоложение кадрового состава профессоры, продолжая рассуждать о том, что эту задачу надо решать. Видимо, стоит предложить правительству страны в утвержденное им Положение о при-

своении ученых званий внести следующее изменение: увеличить норму стажа научно-педагогической работы для докторов наук, претендующих на звание профессора, с 10 до 25 лет, тогда точно не удастся омолодить состав высшей школы.

Во-вторых, для чего тогда вообще принят пункт 10 положения о присвоении? Могу предположить, что этот пункт введен специально для осуществления коррупционных действий, для присвоения званий не действительно заслужившим их своим трудом людям, а по личной заинтересованности. Иными словами, этот пункт является отражением кланового построения российской науки и даже высшей школы, что одновременно усиливает позицию такой структуры, продлевает ее функционирование.

Интерес вызывает и то, почему вообще существует комиссия для присвоения ученого звания, зачем она нужна. Если выполнен норматив, а по документам экспертизу обязан проводить обычный чиновник, голосование вообще не является необходимым, поскольку аттестат должен выдаваться — при правильно оформленных документах и проведенной их экспертизе — в нормативном режиме, то есть неукоснительном, а министерство в лице своих чиновников должно отвечать за совершаемые действия — отказ в присвоении звания. Комиссия и процедура голосования нужны для того, чтобы творился произвол, ведь невозможно подать в суд на комиссию и оспорить коллегиальное решение, которое может быть мотивировано звонком ректора, завистью, возрастом соискателя, иными факторами, не имеющими никакого отношения к профессиональной деятельности. В нашем примере ректор сам не имел ученого звания и фактор зависти являлся, по-видимому, определяющим.

А вот при решении вопроса об ученых степенях как раз наоборот, голосование необходимо, поскольку в этом случае защищается научная работа, имеется предмет обсуждения и научной дискуссии. Здесь крайне необходима коллегиальность, как и высокая научная этика и нравственное поведение, поскольку любая комиссия в конце концов подвергается воздействию фактора коррупции.

Важно отметить и другое, что в стране не нашлось человека, сотрудника министерства, того же заместителя министра, который поручил бы разобраться в конфликте, даже из тех, кто предоставил свой отзыв, чтобы защитить молодого доктора наук, сотрудника Российской академии наук, от произвола, не говоря уже о наказании ректора университета. Понятно, что при такой политике данный ректор не нужен эффективной системе высшего образования, а значит, должен быть смещен с должности. Наличие подобных ректоров просто не позволит сделать систему эффективной.

Институциональные эффекты, порожденные действующей системой, скорее всего не позволят это осуществить, поскольку модель поведения вновь испеченного ректора состоит в расчистке поля деятельности путем отстранения оппонентов.

Это и есть крайняя институциональная неэффективность системы высшего образования в России. Любая экономическая структура, предполагающая реализацию принципа «местного князька», фактически означает локальную монополизацию, причем монополию на самые неэффективные принципы функционирования.

Безусловно, наш анализ нельзя применить ко всему ректорскому сообществу России и об этом необходимо сказать определенно. Хотя имеющиеся тенденции должны вызывать обоснованную озабоченность и соответствующие институциональные модификации, чтобы вообще исключить рассмотренные здесь крайне неэффективные и только способствующие коррупции модели поведения.

«Общая цель учебных заведений, состоящих в ведомстве университетов, заключается в том, чтобы при нравственном образовании доставлять юношеству средства к приобретению нужнейших по состоянию каждого познаний» [4].

Например, по уставу университета св. Владимира от 1833 г., который стал в дальнейшем прообразом других нормативных документов, регулирующих систему высшего образования, в состав ученого совета университета входили только профессора. Ректора избирали на два года. В случае болезни ректора его обязанности исполнял проректор, которого избирали ежегодно из профессоров университета. Штат профессорско-преподавательского состава определялся в зависимости от числа студентов и периодически пересматривался. Удельный вес ординарных профессоров составлял около половины всего штатного состава преподавателей.

Во главе совета университета стоял ректор, который избирался тайным голосованием. Избирались также и деканы факультетов, в отличие от ректора, сроком на четыре года.

Очень серьезные требования предъявлялись к профессорско-преподавательскому составу российских университетов. По уставу 1835 г. на должность ординарного или экстраординарного профессора мог претендовать только доктор наук по профилю соответствующей специальности и факультета. Чтобы стать адъюнктом кафедры, претендент должен был обладать как минимум ученой степенью магистра в профильной отрасли знаний. Министр имел право своим решением назначать известных ученых и специалистов на вакантные должности профессоров и адъюнктов без проведения конкурса.

Профессор мог заведовать в университете только одной кафедрой. Вопрос относительно совмещения работы на другой кафедре решался министром народного просвещения. В обязанности профессора входило чтение лекций студентам в объеме не менее восьми часов в неделю [3].

Конечно, необходимо учитывать структуру занятости населения в XIX веке, традиции, обычаи, сельскохозяйственную ориентацию экономики, на-

личие крепостного права и т. д. Однако, именно исходя из этих условий, можно говорить об адекватности сформулированной доктрины, ее обоснованности, открытости, общей доступности в понимании.

Избрание по научным заслугам, ротация на должности ректора не позволяют университету превратиться в закостенелую бюрократическую структуру и растерять имманентные функции.

Так воссоздается плюралистическая система, которая должна быть присуща классическому университету, а не авторитарная, которая существует и поощряется в настоящее время в России. Экономическая политика в области образования предполагает формулировку простой по форме доктрины, адекватной имеющимся ресурсам на модернизацию системы, с тем чтобы она по функциям и содержанию была конкурентоспособной, отвечала современным требованиям. Правила функционирования высшего образования и народного просвещения в широком понимании необходимо точно установить и не менять в течение значительного промежутка времени. Последнее требование следует отнести не только к системе образования, но вообще к любым правилам, создаваемым и вводимым в пространство хозяйственных отношений законодательными органами власти.

Таким образом, при дисфункции микроэкономической модели поведения никакая теория, никакой макроэкономический подход, не учитывающий означенного состояния на уровне конкретных институтов, на микроуровне, не сможет дать убедительные и действенные рекомендации для исправления ситуации. Экономическая политика должна стать политикой преодоления дисфункции отдельных институтов, структур и системы в целом. Вот почему требуют формулировки элементарные правила функционирования университетов, инновационного сектора экономики России и т. д. Особую роль при внедрении эффективных правил играет так называемая «правовая эффективность» хозяйственных решений и сделок, которая имеет определяющее значение как применительно к науке, образованию, так и к хозяйственным структурам.

Институты промышленного сектора: «экономико-правовой парадокс»

Под «правовой эффективностью» будем понимать способность системы обеспечивать хозяйственные преимущества для законопослушного субъекта, то есть того, кто в точности выполняет установленные нормы, при условии что сами нормы не программируют неэффективное состояние или действия и не создают модели поведения, направленные на нарушение или обход этих норм. Последняя оговорка крайне важна.

Если правовая система хозяйственной деятельности устроена так, что, совершая незаконные действия, законопослушный субъект не несет никакой ответственности, а правоохранительные структуры организованы так, что начинают прове-

рять деятельность законопослушного субъекта, обжалующего действия первого, который также пользуется правовой неэффективностью и обжалует действия законопослушного субъекта, то частота этих нарушений, превышающая скорость применения правовых норм и санкций, может настолько увеличить издержки законопослушного субъекта, что он будет доведен по существу до банкротства.

Конечно, использование правоохранительных структур осуществляется негласно, в силу чего это и есть высшая форма коррумпированности государства. Выявлять подобного рода нарушения чрезвычайно сложно, поскольку вводимые правила и низкая эффективность судебной системы и надзорных структур затрудняют данный процесс.

Однако сегодня борьба с коррупцией приобретает односторонний характер и практически доводится до абсурда, поскольку в эту борьбу вмешиваются региональные условия и «областная мафия», которые «сдают» негодных им людей либо подставляют честных, в то время как подлинная борьба с коррупцией должна быть развернута высшей властью как раз против таких региональных группировок, причем города федерального значения, такие как Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, приближенные к этой высшей власти, не должны становиться исключением. Именно из этих городов незаконно нажитый капитал распространяется в провинцию в поисках точек приложения и размещения, так называемой легализации, при этом страдают редчайшие производства, создававшиеся не одним поколением людей. Директоры, сопротивляющиеся таким потокам и стремящиеся сохранить производство, подвергаются преследованию, которое разворачивается как будто на законных основаниях. Именно это обстоятельство мы и рассмотрим ниже.

В чем же причина такого положения дел? Она состоит в том, что принят закон, позволяющий прокуратуре возбуждать уголовные дела против директоров, если задержка выплаты заработной платы превышает определенный срок. Причем, если директор «заказан», дело не доходит до разбирательства в подлинных причинах такого положения. Такая обстановка в регионах позволяет одного подводить под статью и просто фальсифицировать дело, а другие дела прикрывать. Это нарушает важнейший юридический принцип главенства закона и равенства всех перед ним.

Например, если директор, сменяющий по решению акционеров предыдущего, доведшего предприятие до банкротства, рассылает распорядительные письма заказчиком о том, чтобы те купили ему материал для выполнения договоров, поскольку обескровленное прошлым директором предприятие не имеет оборотных средств, то против такого директора будет возбуждено (либо при соответствующем прикрытие не возбуждено) уголовное дело по ст. 199.2. Диспозиция статьи предполагает также дисквалификацию директора. Иными сло-

вами, используя уголовную статью как инструмент, можно убрать из хозяйственного поля неугодного человека или фирму. В таком случае правоохранительная система становится субъектом хозяйственных отношений и хозяйственного права. Полагаю, что это совершенно новый феномен, который наблюдается в настоящее время в российской экономике и особенно развит, естественно, в регионах. Специально нужно отметить, что предыдущий директор, который рассылает такие же письма и ворует средства своего предприятия, может вообще не привлекаться к уголовной ответственности (при возбужденном уголовном деле), поскольку является элементом коррупционных связей, развернутых в условиях конкретной региональной экономики, а дело известными способами просто не доводится до суда.

Каким же образом воссоздается подобная дисфункциональная система и кем? Ответ на этот вопрос несложен, поскольку базовые правовые институты, отвечающие за те или иные хозяйственные решения и санкции, за функционирование отдельных экономических подсистем, к которым можно уверенно отнести промышленность, высшую школу или академию наук, создаются государством в лице законодательной и исполнительной власти. Поэтому, во-первых, именно им, государством, на первом этапе реформ и практически до сегодняшнего дня создавалась «экономика для директоров». Во-вторых, именно с этой экономикой оно вроде как начинает бороться, но, как всегда в России, страдает наиболее позитивный и честный для общества результат, поскольку именно он не вписывается в коррупционные круги региональной системы, которая его в свою очередь и отторгает. Для этой борьбы приняты статьи 145 и 199 Уголовного кодекса, которые вступили в действие с 2004 г., но по факту способствуют дальнейшему разрушению промышленности и всей экономики России. При такой системе институтов российское хозяйство никогда не будет эффективным.

В приведенном примере государству нужен налоговый сбор и его мало волнует, что он получен за счет невыполнения хозяйственных обязательств либо банкротства предприятий и увольнения персонала, когда люди выброшены на улицу. Речь идет здесь как о среднем бизнесе, так и о бывших крупных оборонных предприятиях, агентах высокотехнологического сектора экономики. Государство не думает, как повысить эффективность работы промышленных предприятий, но карает за действия, осуществляемые директорами, верными делу сохранения и развития отечественного производства. Причем карательные процедуры, как уже отмечено, разворачиваются не против истинных нарушителей, которые прикармливают средства предприятий либо захватывают предприятия целиком, а против тех, кто честно работает. С законопослушными людьми правоохранительной системе проще — с ними не надо «возиться», вызывать, размножить повестки, объявлять чего доброго в ро-

зыск — они приезжают на допрос по звонку следователя и предоставляют все документы, хотя могли бы их уничтожить без всяких последствий для себя.

Интересно отметить, что, если распорядительные письма в этом примере рассылаются при отсутствии недоимки по налогам, то никакого уголовного преследования развернуто не будет, как и в случае коррупционного прикрытия. Если у предприятия имеются дебиторы (неплательщики) в тот же период, когда и рассылаются письма, трактуемые как сокрытие средств от налогообложения, то они не несут вообще никакой ответственности за свои неплатежи и невыполнение договорных обязательств, а арбитражное законодательство не решает проблемы возврата или своевременного поступления средств на счет предприятия. Так вот, если будет развернуто следствие по статье 199.2, то оно не учитывает наличие таких дебиторов, как и возможное воровство предыдущим директором средств, которые могли бы составить налоговые поступления, а рассматривает исключительно факт рассылки писем.

Совсем иную диспозицию содержит статья 145 Уголовного кодекса, которая также в карательном смысле направлена против директоров российских фирм. Согласно фабуле этой статьи, уголовному преследованию подлежит директор, который допустил задолженность по заработной плате сроком свыше двух месяцев. При этом государство вкупе с карательными органами не интересуют причины этой задолженности, а достаточно заявления разгневанных работников. Более того, действует законодательно утвержденное правило, в соответствии с которым на 15-й день такой задолженности работник вправе остановить выполнение своих обязанностей, уведомив директора об этом, он вправе ходить на работу, фактически ее не выполняя. Юридические нормы в России на сегодняшний день не только поощряют, но и закрепляют такую модель поведения. Никому и в голову не приходит тот элементарный факт, что, не выполняя свои функции, работник просто самостоятельно ликвидирует дальнейшую основу для выплаты заработной платы в следующем месяце, так как он не выпускает продукцию, она не отгружается заказчику, а тот в свою очередь обоснованно не перечисляет деньги по договору. Таким образом, действия работника программируют уголовную ответственность директора, но на каком основании при такой системе юридических норм абсолютно невиновный директор должен подлежать уголовному преследованию?

Данная правовая коллизия представляет собой пик институциональной дисфункции, которая усилена высшей властью, поручившей прокуратуре тщательно следить за процессом накопления задолженности по заработной плате в промышленности и привлекать директоров. Одно дело, если директор прикармливал средства и это доказано, но в случае неплатежей, провала рынка, конкурентного поражения, низкой технологической эффек-

тивности, отсутствия финансовой дисциплины и вообще параличе финансов предприятий (а государство для преодоления этого не сделало ничего) развернутая система карательных процедур в институциональном, морально-нравственном, да и в уголовном смысле — преступна. Созданная система юридических институтов образует новую конкурентную структуру, в которой правоохранительные органы и адвокаты, как частные агенты, так и их союзы, участвуют в качестве хозяйствующих субъектов, причем таких, через которых распространяется и укрепляется коррупция.

Если в нашем примере новый директор рассылает письма заказчикам с просьбой о покупке материала, а предприятие разворовано предыдущим директором, который даже не отдавал банку платежные поручения по налогам и «увел» средства предприятия, то действия нового директора трактуются по статье 199.2 как сокрытие средств от налогообложения, хотя не все заказчики являются дебиторами, с покупки материала платятся налоги, как и с продажи затем готового изделия. Если бы средства были перечислены на счет фактически предприятия-банкрота, государство тут же направило бы их в счет уплаты налогов, но новый директор тогда не произведет продукцию заказчикам, так как, во-первых, его действия подпадают под статью о мошенничестве, а во-вторых, предприятие не выйдет из «штопора» банкротства и государство лишится в дальнейшем налогоплательщика. Свой налоговый сбор оно получило с покупки материала, продажи готового изделия, а значит, и с начисленной заработной платы. Но указанные обстоятельства не интересуют правоохранительную систему, обладающую, кстати, невысокими познаниями в области экономики, как заявил мне однажды областной прокурор.

Таким образом, умышленно или неумышленно, но именно государством созданы условия для ликвидации промышленности и невозможности ее оздоровления, к тому же коррупционная система карает наиболее честных и энергичных директоров. Эти люди ни в чем не виноваты, и их уголовное преследование преступно как по экономическому содержанию, так и по существу. К тому же, преследуя цель отвести народный гнев и социальное недовольство в промышленности от правительства переключением его на нижнее звено управления, высшая власть намеренно вводит такие институты, создавая видимое благополучие. Так возникает эффект перемещения ответственности, что на юридическом языке можно назвать фальсификацией обвинения.

Закончить статью можно словами А. И. Герцена из романа «Былое и думы»: *«К концу тяжелой эпохи, когда все было прибито к земле, одна официальная низость громко говорила, литература была приостановлена и вместо науки преподавали теорию рабства»*. Не хотелось бы, чтобы высшая школа России и ее Академия наук оказались когда-нибудь в положении, в котором это высказывание станет справедливым. Но для предотвращения такого неблагоприятного исхода необходима скрупулезная работа по обоснованию изменений, обеспечению их продуманности и последовательности. Начинать всегда нужно с базовых правил, юридических ордонансов, задающих цели, функции и издержки функционирования любой экономической системы, будь то промышленность, высшая школа или академия наук. Начинать нужно с фундаментальных основ, отвечающих за воссоздание атмосферы и культуры взаимодействия различных агентов в рамках рассматриваемой системы, подлежащей реформированию.

Олег СУХАРЕВ,

доктор экономических наук,
профессор Финансовой академии
при Правительстве РФ,
ведущий научный сотрудник ИЭ РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1981. — 380 с.
2. Записки Департамента народного просвещения. — СПб., 1825. Кн. 1. С. 49.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1836. Т. X. Ст. 8337. П. 88.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. Т. III. Ст. 2502.